священник Константин Пархоменко

Как жить с неверующим супругом

Оглавление

- О чем эта книга
- О том, что такое брак в понимании Православной Церкви
- Мне тяжело…
- Очень хочется мира в семье, тепла…
- Благочестивое шоу
- Если ты любишь…
- Все равно быть
- Любовь
- История моего прозрения
- Тогда начнут меняться люди вокруг…
- О молитве
- Мои молитвы
- Песнь Песней Соломонова

О чем эта книга

Вот уже 6 лет прошло, как вышла эта книжечка, родившаяся в содружестве с журналистом Анной Ершовой. Такая простая и незатейливая… Но и сегодня можно встретить ее на прилавках петербургских книжных магазинов. Знаю людей, которым она помогла. Могу сообщить, что изменилась жизнь и у авторов свидетельств об их супружеской ситуации, которые здесь напечатаны. У кого-то жизнь наладилась, и их вторая половинка воцерковилась. А кто-то из авторов, повинуясь семейной ситуации, перестал ходить в храм, отдалился от Церкви. Надеюсь, что пока. В любом случае, надо идти вперед. В духовной жизни. В созидании семьи, в воспитании детей. Призываю благословение Божие на всех боголюбивых читателей этой книги и желаю сил, терпения и любви, черпать которую мы можем из неиссякаемого источника – Бога. Как жить супругам, если один из них – неверующий? Так просто можно сформулировать тему нашей брошюры. Отправной точкой всех рассуждений должно быть Священное Писание Нового Завета. И именно здесь мы находим исчерпывающее и лаконичное утверждение: «А вступившим в брак не я повелеваю, а Господь: жене не разводиться с мужем, – если же разведется, то должна оставаться безбрачною или примириться с мужем своим, – и мужу не оставлять жены своей. Прочим же я говорю, а не Господь: если какой брат имеет жену неверующую, и она согласна жить с ним, то он не должен оставлять ее; и жена, которая имеет мужа неверующего, и он согласен жить с нею, не должна оставлять его. Ибо неверующий муж освящается женою верующею, и жена неверующая освящается мужем верующим. Иначе дети ваши были бы нечисты, а теперь святы. Если же неверующий хочет развестись, пусть разводится; брат или сестра в таких случаях не связаны; к миру призвал нас Господь. Почему ты знаешь, жена, не спасешь ли мужа? Или ты, муж, почему знаешь, не спасешь ли жены? Только каждый поступай так, как Бог ему определил, и каждый, как Господь призвал. Так я повелеваю по всем церквам» (1 Кор. 7, 10-17). Эти слова апостола Павла как нельзя лучше характеризуют подход Православной Церкви к проблеме семей, в которых кто-то из супругов – неверующий. Брак, в котором кто-либо из супругов является неверующим, – возможен! Но как возможен? Как вести себя мужу или жене, если другой не приемлет твоей веры?..

Бог обращается к каждому из людей. Он Сам говорит: «Се, стою у двери и стучу: если кто услышит голос Мой и отворит дверь, войду к нему, и буду вечерять с ним, и он со Мною» (Откр. 3, 20). Бог, через стечение обстоятельств, через скорби, болезни стучится в сердце каждого из людей. Наша задача – услышать, понять, что это именно Бог обращается к нам. И тогда рождается вера. Но если вера как следствие слышания, чувствования Бога родилась у тебя, это не значит, что вера родилась в ком-то из близких тебе людей. Хорошо, если в семье есть взаимопонимание и уважение к интересам и внутренней жизни членов семьи. Тогда верующий супруг может молиться, соблюдать посты и церковные праздники, ходить в храм и читать церковную литературу. Страшно, когда кто-то из супругов претендует на авторитарное правление. Тогда жизнь «второй половины» жестко регламентируется. Храм, посты, молитвы запрещаются. Зато разрешаются насмешки и издевательства. Я много раз видел слезы женщин, которым мужья запрещают ходить в храм. Видел и смущение мужчин, жены которых презрительно третируют мужа за его «фанатизм» и «старушечью богомольность». Что делать им, людям, внутренняя жизнь которых распланирована за них?.. И как сосуществовать людям, душевно близким, но далеким духовно?.. Об этом наша небольшая книга, которую мы построили в виде простых человеческих свидетельств и комментариев священника.

Свящ. Константин Пархоменко

О том, что такое брак в понимании Православной Церкви

В Библейском рассказе о Сотворении мира описание каждого дня Священный автор заканчивает словами «и увидел Бог, что это хорошо». Те же слова звучат и после творения человека. Однако во второй главе, когда говорится о разделении единого человека на мужской и женский пол, Господь усматривает в этом некую неполноту: «Не хорошо быть человеку одному…». Потому что человек не должен быть одиноким. И далее Господь продолжает: «…сотворим ему помощника, соответственного ему» (Быт. 2, 18). Еврейское слово, переведенное у нас как «соответственного», вернее было бы перевести как «восполняющего». Таким образом, существование женщины необходимо было для восполнения бытия Адама (мужчины). Далее Библия в коротких, но емких словах говорит о том, что входящие в тайну супружества становятся одним существом: «оставит человек отца и мать свою и прилепится к жене своей; и будут одна плоть» (Быт.2.24). «Плоть» (по-евр. *басар*) означает некое целокупное существо, с едиными мыслями, чувствами… Как в Святой Троице Три Лица (Отец, Сын, Св. Дух) являются Единым Богом, так и в супружестве две личности – одна плоть, одно существо. «Когда муж и жена соединяются в брак, они не являются образом чего-то неодушевленного или чего-то земного, но образом Самого Бога», – пишет св. Иоанн Златоуст (Беседа 26 на 1 Кор., гл. 2. Творения. М. 1994. С. 473.). Отныне только вдвоем должны идти по жизни мужчина и женщина, соединившие себя узами брака, и этот брак не только никогда не закончится, но даже перейдет в вечность. «Любовь никогда не перестает, хотя и пророчества прекратятся, и языки умолкнут, и знание упразднится» (1 Кор. 13, 8). Благословение Церкви на это вечное соединение двух совершенно различных людей в одно существо происходит в Таинстве Венчания. В самые первые века христианской истории брак был тесно связан с Евхаристией. Вообще, брак заключался по языческим обычаям (например, при свидетельстве двух людей и в присутствии римского консула; или просто в римском суде), и, собственно, христианское таинство состояло в том, что молодые люди исповедывали свое желание жить совместно перед христианской общиной в присутствии епископа. После сего они совместно причащались, и их брак считался заключенным.

Существующий сегодня обряд Таинства Венчания сложился около VIII века, хотя отдельные

его элементы имеют гораздо более древнюю датировку. Каждый из элементов Таинства, каждое действие Венчания несут на себе глубокую смысловую нагрузку. Два слова скажем об основных обрядах Таинства. Одним из древнейших, еще дохристианских, обрядов является традиция обручения. Вообще круг, кольцо – символ вечности. Кольцо обручающихся – это символ обещания хранить верность и любовь вечно. Кольцо также – знак внимательности и готовности дарить. Что или, вернее, кого нужно дарить в браке? Самого себя! Возложение венцов на сочетающихся браком – также очень древний обряд. На Западе (о чем сообщает Тертуллиан) уже в середине II века на брачующихся возлагали расшитое покрывало, символизирующее «девство и чистоту» жениха и невесты. Святитель Иоанн Златоуст писал: «возлагаем венцы… в знак победы над сладострастием». У святителя Мефодия Патарского в его знаменитом «Пире десяти дев» описывается небесное торжество девственниц. Причем, как отмечают специалисты, очень многие образы взяты им из практики Таинства Брака его времени. «Вот, – говорит святитель Мефодий, – наше торжество, прекрасные девственницы! Вот награда за чистый подвиг целомудрия. Обручаюсь Слову и приемлю в дар вечный венец нетления; возложив венец на главу украшаюсь светлыми и неувядающими цветами мудрости. Обхожу со Христом, воздающим награду на небеси, окрест безначального и бессмертнаго Царя, становлюсь свещеносицею неприступных светов и воспеваю новую песнь с ликом ангелов». Здесь святитель Мефодий подчеркивает роль венцов в аспекте торжества, радости, но, прежде всего, венец – это награда за сохраненное для другого целомудрие. Брачующимся подается общая чаша вина, из которой они по очереди пьют. В древности, когда Таинство Венчания было соединено с Таинством Евхаристии, общая чаша была Евхаристической. Молодожены вместе причащались, что очень точно выражало их жизненную установку: вместе идти по путям духовного совершенства, призвать в свои спутники по супружеской жизни – Христа. Сегодня, когда венчание отделено от Евхаристии, общая чаша – лишь символическое напоминание о совместном испитии чаши жизни. Молодожены трижды обходят вокруг аналоя, на котором лежит Евангелие. Впереди них идет священник, неся в правой руке крест, левой рукой священник скрепляет руки молодоженов. По согласному толкованию св. отцов, сей путь изображает, что отныне жизнь этих людей будет (должна быть) шествием за Христом. Часто, к сожалению, даже обвенчавшись, люди уходят в мир и продолжают жить без Бога, тогда как Церковь призывает к иному. Она призывает всю свою жизнь превратить в горение (свечи в руках), в предстояние (брачующиеся стоят), в шествие за Христом. Мы предлагаем вниманию заинтересованного читателя свидетельства людей, на самих себе испытавших все сложности совместной жизни двоих, из которых верует лишь один, мучительно ищущих и чаще всего находящих выход из кажущегося тупика. Рассказы этих людей записала журналист Анна Ершова.

Мне тяжело…

Владимир, 42 года, агент по недвижимости: В церковь я хожу, разумеется. Случаются у меня такие периоды, что бываю там нерегулярно, но не оттого, что сомневаюсь. Я не сомневаюсь, просто у меня бывают то подъемы духа, то упадки… Не потому, что не верю, а потому, что лень; или какие-то дела, заботы: то надо сделать, это надо сделать. Ведь тут необходимо и характер проявлять, и силу воли, а с силой воли у меня не очень. Моя семья – жена и двое детей, – в принципе, не говорят, что они неверующие, но в церковь со мной не ходят. Младшая – когда беру ее, тогда идет. Но чтобы проситься… Долго служба идет для детей, столько не выдержать. И еще: не может столько времени человек быть сосредоточенным. И жену, наверное, это отталкивает. И потом – непонимание всех этих ритуалов. Это же надо изучать закон Божий, чтобы знать: вот вынесли дискос, что это символизирует, вот открыли алтарь, закрыли, вынесли, принесли… А если этого не знать, просто стоять – действительно тяжко. Мне бы хотелось, конечно, чтобы они со мной пошли, и я знаю, что об этом надо Господа молить, тогда они наверняка станут религиозными людьми. Но

у нас же еще есть враг, который заставляет меня злиться на них, что они в церковь не ходят, начинаю жену ругать… Жена говорит, что верит в Бога, но в церковь все никак не может пойти, ее всячески отводит что-нибудь. Я и крестил-то ее с боем. Вроде бы она и не против, но как в церковь собираться – случается что угодно. Хоть скандал по любой причине, хоть что… Мне тяжело, когда пост. Мои родные вообще не могут без мяса. Вот в этом-то вся сложность. Маяковский-то что написал: «любовная лодка разбилась о быт»… Я разговаривал с женой об этом, но она говорит, мол, не могу я без мяса. «Я же тебе не мешаю», – говорит. Она отдельно мне постное не готовит, но дело даже не в этом, приготовить я себе и сам могу. Но, когда приходишь поздно домой с работы, уставший и голодный, а рядом стоят-благоухают эти блюда… Приготовить – это не сложно. А вот удержишься ли, когда в холодильнике шинки-салями, на сковороде шипит отбивная… В чем смысл жизни? Вот, даны заповеди, пытайся соблюдать. Мы здесь, чтобы отработать – и вернуться назад. А нас всячески мир отвлекает, вовлекает. Наука развивается, появляются всяческие ответвления, разрабатываются множество сортов, видов. Шампуни, жвачки, кока-колы… Что касается остального – мои домашние спокойно относятся к тому, что я в церковь хожу. Они уже привыкли, что это мне нужно, в этом они мне не препятствуют. Но, тем не менее, весь уклад жизни в нашей семье не соответствует… Жена курит, шампанского не прочь выпить. Тут уж неважно – понимает она или не понимает. Что толку, что понимает, если не выполняет… У моей жены очень сильный характер, целеустремленный. Если бы она еще обратилась в веру, то был бы очень мощный выхлоп. Такие, как она, подвижниками становились. Но трудно ее туда направить… У нее на все свое мнение, может, на этой струнке и играет «хвостатый». Не могу сказать, что они хуже себя ведут в домашних конфликтах, чем я как христианин. Тут уж все одинаковы. И не могу сказать, что они как-то провоцируют меня. Бывает, конечно, что перед постами, в посты обязательно какой-то скандал из-за ничего. Все это получается вроде само собой, но я-то понимаю, что это происки диавола. Где-то я читал, что, пока живешь в расслабленном состоянии, то и враг на тебя не ополчается, ты и так его устраиваешь. А как у тебя только потуги какие-то начинаются… Он же действует хитро, через близких. Например, пост начался, только со своими как-то условился, что будем соблюдать, а к тебе ни с того ни с сего брат заявился из другого города со своей семьей. Что же тут – извини, я пощусь?.. Вот и в ссорах – враг так озлобляет, что потом, когда отходишь, думаешь: елки-палки, опять победил на некоторое время… Потом-то все осознаешь, жалеешь…

Свящ. Константин: Ситуация Владимира довольно типична. Он сам честно признается, что в храм ему ходить «лень». Печальная статистика показывает, что из 70% православных россиян лишь 5—8% ходят регулярно в храм, исповедуются и причащаются, соблюдают посты и церковные предписания. Можно вспомнить древние церковные каноны, чтобы понять аномальность такой ситуации: если христианин две-три недели не причащался (без действительно уважительной причины), его отлучали от Церкви… Дело не в мракобесии. Все очень просто: если ты не нуждаешься в пище Вечной Жизни, если ты не стремишься к встрече с Господом в Таинстве Его Тела и Крови, значит, ты не православный христианин. Настоящая жизнь православного христианина подразумевает ежедневную бескомпромиссную работу над собой для искоренения греха в себе: лени, подлости, лицемерия, жадности, злобы и проч. Так возможно жить (и это не просто теоретические слова, это личный опыт, проверенный на примере многих людей) только при активном участии Церкви. Сюда включено: посещение (как минимум) хотя бы раз в две недели Божественной литургии. Не реже, чем раз в месяц, – Причащение. Ежедневная утренняя и вечерняя личная молитва. Чтение церковной литературы и решение духовных вопросов при личном общении со священником. Соблюдение (по мере сил и благословения духовника) постов и иные аскетические упражнения. Доброделание. Именно это, являясь не просто произвольными церковными установлениями, но элементами продуманной, апробированной, подтвержденной опытом тысяч подвижников церковной жизни, ведет душу по пути роста и духовного совершенствования. Церковная жизнь кое-как, в

полсилы, от случая к случаю, невозможна. Вспомним страшные слова из Апокалипсиса: «знаю твои дела; ты ни холоден, ни горяч; о, если бы ты был холоден, или горяч! Но, как ты тепл, а не горяч и не холоден, то извергну тебя из уст Моих» (Откр. 3, 15—16). Холодность как неверие или активное безбожие еще могут привести к покаянию, перемене всей жизни (как в случае с апостолом Павлом); горячность в вере – прекрасна сама по себе. Самое страшное – духовная теплохладность, или прохладность. Это состояние в духовном плане бесперспективно и гибельно. Человек думает, что он самодостаточен, а Бог существует где-то на периферии его личной жизни. Даже не на уровне бизнеса или встреч с друзьями – ниже, где-то между походом с детьми в зоопарк и посещением театров. В таком состоянии многие христиане проживают всю жизнь… Меня абсолютно не удовлетворяет внутренняя установка Владимира. Я бы сказал, это установка инфантильного слабовольного человека. Христианизацию семьи ему необходимо начать с себя. Научиться сдерживать злость и душевную усталость. Гасить миром и любовью все конфликты и ссоры. Быть для своей, как он сам признается, сильной жены примером в смысле христианской цельности. Регулярно (раз жена не препятствует) ходить в храм, не размениваться на «шинки-салями»: если решено поститься – неукоснительно соблюдать пост, ежедневно молиться, вообще во всем показывать, что он ответственный и сильный волевой мужчина, а не «трость, ветром колеблемая».

Очень хочется мира в семье, тепла…

Ирина, 33 года, домохозяйка: Мне повезло, у меня муж хороший. Я знаю, что бывает – пьянство, крики: в церковь больше не пойдешь… Хотя от того, как мы себя ведем, как молимся, как осознаем эту проблему, тоже, конечно, многое зависит. Мой муж не пьет, у нас хорошая семья, он работает, любит детей. Да и вообще, его основные моральные понятия вполне христианские. То есть нормальные, человеческие. Но, конечно, характер у него не сахар. Но ведь и я не идеальная. Мне очень хочется мира в семье, тепла. Просто жить и радоваться, что в доме достаток, что дети здоровы. Знать, что, если ошибешься, тебя простят. А если оступишься, то поддержат. А когда заболеешь – помогут и посочувствуют. Но ничего этого нет. Есть придирки, напряженность и выяснения отношений. Даже представить себе не могу, какое это счастье, когда в семье оба православные. Хотя мой муж считает себя православным. Но вера предполагает совсем другое мировоззрение. Не «мне все должны», а «я всем должен». Не «все кругом виноваты», а «я во всем виноват». Вот когда человек всем сердцем это скажет, он истинно христианин. Слава Богу, что я могу причащать детей, ходить (по предварительной договоренности) в церковь. Мы даже иногда все вместе ходим. И я надеюсь, верю, молюсь, что он когда-нибудь пойдет и на исповедь и Причастие. Тогда начнется новый отсчет времени… Как я живу? Посты стараемся соблюдать мы с дочкой, а мужу и маленькому сыну готовлю обычную еду. Прошли времена, когда он раздражался по этому поводу, сейчас привык, спасибо, что уважает мои правила. В церковь ходить – тоже как-то приспосабливаюсь. То к ранней Литургии пойду, к семи: они просыпаются, а я уже дома. То все вместе попозже подойдем, к Причастию с малышом. Иногда, бывает, что и вовсе не удастся сходить в воскресенье в церковь. Не потому, что муж не пускает, а просто чувствую, что так лучше для спокойствия в семье. Конечно, мне невесело в такие дни. Очень пусто, и ничем эту пустоту, бывает, не заполнить. Знаю, что надо бы в этот день побольше молиться, посидеть с детьми, книжку духовную почитать, рассказать что-нибудь. А нет, уныло копошусь по каким-то делам, и нет никакого настроя. Выбивают из колеи некоторые дни. Бывает, причастимся, настроение такое! А дома – опять недовольства, придирки, то не так, это не эдак. Так горько становится… Трудно воспитать детей в вере в «половинчатой» семье. Если бы все стояли в церкви на службе, глядишь, и маленькие с детских лет бы привыкали. А так есть выбор: с папой на улице погулять или с мамой в душной церкви стоять, – и народу много, и ноги устали. Или вечером: что лучше – телевизор смотреть или скучные молитвы твердить? А ведь кругом и так – и в садике, и в школе, все и вся, – настолько далеки от Бога… Знаю, что много грешу. Не могу

даже на мужа сетовать сейчас, потому что знаю, сколь сама несовершенна. Жалко только, что мы смотрим с ним на это под разным углом. Я вижу свои недостатки, а он тоже – видит мои недостатки. Но верю, что все будет лучше и лучше. Молюсь Ксении Блаженной. Знаю, что Господь послал мне это испытание во благо мне же. Как бы я по-другому могла выправить себя, свой эгоистичный характер, научилась смиряться? Благодарю Господа за это. Иногда, когда уныние, когда кажется, что ничего хорошего не будет, оглядываюсь назад и вижу: а было-то хуже. Намного хуже. Только одного понять не могу: если все это мне во благо, то что же с ним будет? Что он, тренажер для моих духовных упражнений? Жалко ведь его, его душу. Иногда после ссоры думаю, что вот, я простила его, простила сразу же, а он-то как, какой ему урок, он же все принимает, как в порядке вещей. Берет ли он для себя что-нибудь, учится ли? Не знаю… Или просто упивается собственной правотой и вседозволенностью? Надеюсь, что Господь не оставит его, что Промыслом Своим все управит.

Свящ. Константин: Обычная история: жена – верующая, муж – агностик. Он бы и не против увлечений жены, если бы это его никак не затрагивало. Но это его затрагивает, и он сердится. Ирина выбрала мудрую и правильную политику. Ничего никому не навязывать, тактично стараться не осложнять жизнь супругу своей верой. Думаю, что это принесет плод. Дочь уже верующая, и вера эта не навязанная, а личный выбор взрослеющего ребенка. Сын тоже с возрастом обратится к Богу, если увидит на лицах мамы и сестры отблеск сияния Вечной жизни. Про мужа не знаю. Вера – это не сумма теоретических пунктов и предписаний. Вера – это отклик на Божий призыв, готовность слушать Бога и желание учиться слышать Бога. И исправлять себя. Что до искушений унынием… Ирина, не унывайте. Вся наша жизнь – это противостояние неудачам. Хочется хорошо молиться – не умеем. Мечтаем, чтобы наши дети и члены семей стали ревностными христианами, святыми, духовно высокими людьми, – не получается. Святитель Тихон Задонский говорил, что в духовном странствии к Царству Небесному мы идем не от победы к победе, но от поражения к поражению. Главное – не садиться и не оплакивать свои падения и неудачи, а вставать и идти дальше. Мы должны делать все, что в наших силах. А Господь сделает все остальное, то, что не в наших силах. «Что же он, тренажер для моих духовных упражнений?» – вопрошает Ирина. Действительно, принося себе вред, он приносит пользу Вашей душе, дает возможность Вашей душе исцелиться. Поэтому, если Вы переживаете о муже, – усугубите свою молитву, особым образом молите о нем Господа. Здесь также уместно сказать несколько слов об уважении интересов друг друга. Необходимо требовать (не умолять, не выпрашивать, но именно требовать) уважения неверующей супружеской половины к твоим душевным ценностям. Супруги – это не забитый слабейший и торжествующий сильнейший, это не борьба за выживание, а уважительное сосуществование двух любящих (именно любящих, а не кое-как терпящих друг друга) людей. Не стесняйтесь говорить откровенно с супругом, не избегайте темы своей религиозности. Важно лишь найти подходящий момент. Вера – это не то, что следует скрывать и чего следует стесняться. Наша принадлежность к Церкви – великая честь и радость. И мы готовы свидетельствовать об этом перед лицом кого угодно, и в первую очередь – перед членами своей семьи. Супруги XXI века соединяют свои жизни не насильно, а руководствуясь принципами любви. А любить – значит видеть не только себя, слушать не только себя, но и другого. Даже прежде всего другого. Почему же получается так, что к дорогому и желанному для одного супруга (супруги) другой супруг относится зло и враждебно?.. Что сломалось в отношениях? И не виноват ли именно я, если что-то сломалось? Давайте будем чаще вспоминать о любви и будем терпимей, добрей. Дорогие верующие: никогда не ставьте обряд выше любви. Закон любви прежде всего! Помните слова богомудрого Апостола: «жена не властна над своим телом, но муж; равно и муж не властен над своим телом, но жена» (1 Кор. 7, 4). Эти слова напоминают нам о том, что ради любви, ради того, с кем мы некогда захотели навсегда связать свою жизнь, мы должны идти на некоторые уступки. Ради того, чтобы сохранить и преумножить любовь. И это будет более прекрасным примером нашей

православности, чем жестокая упертость и сварливость во второстепенных вопросах. Дорогие неверующие: уважайте внутренний мир своих любимых! Не навязывайте своих представлений. Супружеская жизнь должна быть радостью, а не ареной отстаивания своих амбиций.

Благочестивое шоу

Константин, 34 года, бизнесмен: Я, может быть, не могу называть себя православным христианином, но мне кажется, что все непонимание в нашей семье – из-за обрядовых вещей. Культовых, сродни языческим, и смысла за ними глубинного я не вижу. Улучшения качества человека, его души – не происходит. Вся вера сводится к выполнению определенных обрядов, из-за чего человек якобы должен становиться лучше. Если он выполняет эти обряды, значит, он хороший. Если не выполняет – по определению, он христианином являться не может. И это определение Церкви. За обрядами, на мой взгляд, теряется суть. Пожалуйста, выполняйте их, если они нужны, но это не должно быть главным. Иначе это шоу получается. У очень многих людей вера – это своеобразное шоу. Они, мне кажется, так и не доходят до сути. В семье все то же самое происходит. Мы прочитали молитвы за столом, через 3 минуты может начаться ор совместный друг на друга. Что толку от этой молитвы? Зачем этот пустой обряд, если он ничего не принес? Да, когда жена уезжала, я поддерживал маленького сына. Он говорил, что перед едой надо помолиться, и мы читали молитвы. У меня это было искренне. Но в обязаловку, все время, вне зависимости от настроения, душевного состояния, – я так не могу… Какое-то особенное настроение должно быть, чтобы начать молиться. Я считаю, что не молитва дает состояние души, а наоборот, определенный настрой души выливается в молитву. С тех пор, как моя жена стала ходить в церковь, я не заметил в ней особых позитивных изменений. Да, конечно, откровенно ужасные вещи она перестала делать, но они любому нормальному человеку не должны и в голову приходить. Если рассматривать это как заслуги Церкви – ну, тогда да. Но добрее она или как-то больше любить – не стала. Да знаю я доктрину Православной Церкви – на мне можно поставить штамп: он не в Церкви, ну и до свиданья. Я не вижу, чтобы до меня было бы дело – жене или самой Церкви. С детьми – другая ситуация. Если в нашем детстве вообще непонятно было, что и как, совершенно другие традиции были, мало было верующих семей, то сейчас – по-другому. Мы причащаем наших детей – ну, не знаю, как-то происходит, что они очищаются, защищаются. Дети – они другими глазами воспринимают все, и они должны воспитываться в вере. Может, из них вырастут такие люди, которые, привыкнув к обрядам, не обращая на них уже такого внимания, будут ощущать внутри себя что-то самое главное…

Свящ. Константин: Все, что связано с обрядовой стороной нашей веры, – действительно, непростая проблема. Читать или не читать молитву перед едой, если хотя бы одному члену семьи это чуждо? Где молиться в однокомнатной квартире? Отмечать ли Новый год, если вся семья привыкла к этому? Великий пост, 8 марта, муж дарит цветы – фыркнуть и выкинуть их? Постараться объяснить? Или просто принять с благодарностью? «Не человек для субботы, а суббота для человека», – в ответ на упреки фарисеев сказал Иисус Христос. Этот принцип можно назвать основополагающим, когда мы говорим о традициях Православной Церкви. Обычаи и обряды, сложившиеся за многовековую историю Церкви, позволяют нам прикоснуться к наследию предков. Нам уже не нужно искать форму, мы можем довериться опыту святых отцов и жить по установленному образцу: пост тогда-то и тогда-то, молитва утром и вечером, определенное молитвенное правило и т.д. Внутри этой формы ощущаешь истинную свободу, свободу души. Но здесь очень важно помнить одно: Церковь не ставит обряд выше самого человека. Возможно ли сделать в храме резкое замечание соседу, уронившему крошки от просфоры на пол? Конечно, просфора – хлеб, ставший святым, частицы которого вынуты за здравие или упокой на проскомидии. Но не свята ли человеческая душа, только что причастившаяся Телу и Крови Христовой? Один мой знакомый – человек, который Бога «в

душе» давно принял, но своего места в Церкви пока не нашел, – как-то раз оказался в монастырском храме со своим православным приятелем. Этот человек, как все приходящие в храм, боялся сделать что-то «не так» и все спрашивал друга: куда можно пойти, а куда нельзя, как правильно поставить свечу? «Слушай, мы верующие люди, – тактично ответил ему приятель, – и мы пришли в свою церковь. Что здесь может быть нам нельзя?». Что касается наполовину воцерковленных семей, им в первую очередь нужно руководствоваться заранее обдуманными и оговоренными решениями, касающихся тех или иных церковных установок. Одна верующая женщина ходила в храм только по будням, когда муж был на работе, в будни же и причащала детей. Священник посоветовал ей спокойно, без обвинений, поговорить с мужем и объяснить, как важно для христианина быть в церкви именно в воскресенье. В конце концов, это одна из десяти заповедей Христа! Это написано в Библии. Библия была авторитетом и для мужа, поэтому супруги пришли к соглашению – жена будет ходить в храм по воскресеньям, но через одно или два. Время и место для молитвы, думаю, тоже можно найти. Встать пораньше утром, например. Прочитывать каноны к Причастию не за один вечер, а за два дня. Но к вопросу о молитве мы еще вернемся ниже. Очень важно поговорить, решить всем вместе – но не со словами: мол, так надо, ты ничего не понимаешь и поэтому плохой. А с позиции: «Пойми, тебе странно, конечно, но для меня все это стало важно и дорого. Мне хочется научить этому детей. Давай обсудим, что из этих традиций я могу ввести в наш дом»… Одна женщина сказала мужу: «Ты же смотришь футбол, ходишь на футбол, и никто не мешает тебе. Могу же и я увлечься чем-то своим!» Конечно, веру в Бога и жизнь по церковным традициям трудно назвать увлечением, но такой пример был понятен мужу. Праздновать ли 8 марта, Новый год – каждая семья может решить для себя по-доброму, во взаимном согласии. Не допускайте того, чтобы какой-либо обряд, традиция или привычка стали камнем преткновения и нарушили мир в семье. И если вам не удается выполнять дорогие вашему сердцу ритуалы, утешайте себя тем, что Господь слышит и видит вас в любом месте, в любое время и тяготы ваши знает.

Если ты любишь…

Андрей, 30 лет, учитель истории: Моя жена регулярно ходит в церковь, а я – нет. Я крещеный и в Бога верю. Но все эти обряды, правила… Есть, конечно, такие обряды, которые меня не очень обременяют. Например, я же крещусь, когда вхожу в церковь. Мне это нетрудно, собственно говоря. Но есть такие, которые меня обременяют очень. Если мне 3 часа надо простоять столбом, ничего не чувствуя, к тому же я ничего не вижу, – тогда я не буду стоять. А зачем? Да, я молюсь Богу, я обращаюсь к Нему. Я могу при этом сидеть, стоять, ходить, лежать… Бог человека всегда слышит и видит. А иконы для меня – тут смотря какие. Если икона хорошая, то человек, который ее писал, вкладывал в нее свой мистический образ, и она нужна хотя бы как иллюстрация этого образа. Ну, а если бумажная икона – я, в принципе, не очень понимаю, зачем она. И зачем распинаться перед куском бумаги. Раздражает ли меня, что жена ведет такой церковный образ жизни? Если она находится в состоянии психоза, то мне это, конечно, неприятно. А если она в порядке, то нормально. Более того, если она была в нормальном состоянии сама по себе, да еще и в церкви побывала, то она гораздо более уравновешенная. И спокойная. Речь о том, когда она приходит из церкви с горящими глазами и трясущимися руками, потому что поп ее накрутил. Она переполнена агрессией. Почему это происходит? Попу нужно ее настроить на что-то. А каким образом человека можно настроить? Лишить его состояния равновесия. Запугать, или захвалить, или надавить какими-то своими моральными оценками, то есть ввести в состояние неестественности. Состояние неестественности вызывает определенный внутренний энергетический потенциал. Который может вылиться в агрессию. Направленную на меня, на детей, куда угодно… Да, всякое бывает, я срываюсь, жена срывается. Но тем и отличается нормальный человек от сумасшедшего, что он потом о чем-то жалеет, что-то анализирует, что-то пытается изменить. И я понимаю, что не

все мне по силам. И могу обратиться к Богу, сказать: я тут ничего поделать не могу, помоги мне Ты. Собственно, мы и проделываем это систематически, вместе с женой. Мы можем стоять у икон, потому что, если мы придем к мысли, что все равно где стоять, то можно стоять и у икон. А ей, вроде бы, так привычнее… Мне церковная жизнь моей жены не мешает, если она в нормальном состоянии. Хотел бы я, чтобы она ушла из Церкви? Зачем? Если ей хорошо от этого, зачем ей уходить. Я не противлюсь тому, что она водит детей в храм. Она же не принуждает их, она говорит: пойдемте, детки, в церковь. Она им предлагает: пока вы со мной, я хотела бы, чтобы вы ходили в церковь и причащались. Когда они вырастут и это будет им интересно – пусть даже жить такой насыщенной церковной жизнью, – то пускай. Им нужно предложить, показать, и если я увижу, что это здорово, это им нравится, то я, естественно, не пойду им поперек дороги. Но если им будет не по душе, то я против, чтобы вот так, силой, – всех подряд, так сказать, в светлое будущее. Считаю, что никого никуда привести невозможно. Можно затащить в церковь, но чтобы внутренне привести – надо, чтобы человек для этого созрел. Поспособствовать можно только, показав, что такое вера, на своем примере… И если женщина очень любит своего мужа, она не будет хотеть, чтобы он пришел в Церковь, она будет хотеть, чтобы ему было хорошо, чтобы он был счастлив. А уж в какой форме это счастье выразится, это дело десятое… Но если один человек хочет привести, а другой не готов, то это патология. Это уже просто эгоизм. Потому что как я могу хотеть то, что другому может быть плохо? А в Церкви может быть плохо, потому что там психопатов больше половины… Я воспринимаю любовь как состояние объединения, душевного единства. Люди друг друга любят, потому что они находятся в состоянии душевной близости. Когда один любит другого, он хочет, чтобы тому было хорошо. Если же любовь эгоистичная, то получается, что я люблю не человека, а люблю свой образ, который нарисовал и приложил к нему. И если он не соответствует этому образу, то во мне начинает закипать ненависть. Получается, что я не человека люблю, а то, что сам придумал. Но если я люблю именно этого человека, то мне совершенно все равно, что он делает, лишь бы ему было хорошо. Вот, допустим, я люблю горные лыжи. А она – нет. Она боится, не понимает. А я так хочу, чтобы она была со мной, чтобы поняла, как это здорово! Но я же не буду тащить ее силой или устраивать скандалы, что она не катается со мной. Я, конечно, настою на том, чтобы она пошла со мной один раз. Не попробовала, а посмотрела, как я катаюсь. Какое я удовольствие при этом испытываю. Я ей все покажу, от и до. Как я эти лыжи смазываю, как я эти, ну не знаю, гайки какие-нибудь подвинчиваю. Целая чайная церемония! Выбираю время, выбираю снежный покров, нужную гору… Потом я спускаюсь с этой горы, и в таком приподнятом настроении, полный адреналина, переодеваюсь, веду ее в кафе, рассказываю, как это было здорово. Через некоторое время, когда у нее это абсорбируется в сознании, через недельку, я предложу ей попробовать самой. С какой-то моей помощью – прокатиться. Если ей понравилось, как я катался, что я испытывал тогда, то она пойдет. Пару раз прокатится, а потом я ее спрошу: так будешь ходить со мной? Или по-прежнему нет? У меня, действительно, были с женой похожие ситуации, когда я так ее «натаскивал». Она посмотрела-посмотрела, попробовала и сказала: все, хватит; да, я поняла, что тебе это здорово, вот и катайся. А мне дома приятней посидеть. И мы в этом прекрасно друг друга понимаем. Я чувствую, что ей это не нужно; и зачем мне снова уговаривать, если человеку напряженно. И еще. Если человек на лыжах катается мастерски, он может привлечь и других. Ну, а если он все время падает, то от такого примера никто никогда не научится. Вообще, учатся же от профессионализма. Почему люди ходят на выставки к мастерам, учатся у высококвалифицированных учителей?.. Так же и с христианством. От человека ведь передается не информация, передается состояние…

Александра Соколова: Последнее время много я думала о послушании, и связались мои мысли в такой веночек. Вот жена верующая и муж неверующий. Идет женщина по своему

духовному поприщу, и мысли ее двоятся. Уставов церковных она не исполняет – ни в отношении себя, ни в отношении супруга, ни в отношении детей (муж не позволяет). Да и возможно ли их исполнить? Вся надежда на милость Божию. Но вот перед глазами ее две-три благополучные христианские семьи, они для нее – как живой упрек: у нее-то все не так, как надо бы! Идут годы, а в ней все крепнет комплекс какой-то вины: не сознание своей греховности, а будто бы она кому-то что-то должна. Не Богу, нет, а людям, – может быть, батюшке в церкви, а может быть, прихожанам, с которыми встречается она в храме. Душевная подавленность, постоянное неудовлетворение своей жизнью не приближают к Царствию Небесному, поскольку творит все это фарисейская закваска.

Что ей делать? Муж не верует, не дает ей жить так, как ей хотелось бы. Слава Богу, если встретится священник, который подбодрит такую женщину и поможет ей сфокусировать взгляд на собственную душу, показав, где главное, а где мелочи. Хуже, если будут ей говорить: — Что ж вы хотите? Муж в Бога не верует, в церковь не ходит, какое может быть добро? А вы поступайте так, как учит вас Церковь. Муж не разрешает? А вы что, и на Страшном Суде Богу на мужа будете кивать? Кто главнее – Бог или муж? Женщина опустит голову пониже и замолчит. Что тут скажешь?

А в самом деле: кто главнее – Бог или муж? Не вопрос, а богохульство какое-то! Ответ нам все-таки известен: «Господь царствует; Он облечен величием, облечен Господь могуществом …». Все мы рабы Божии. Что же из этого следует? Что нам позволено в горячке своей веры искромсать жизни данных нам Богом людей, ввергнув их своими поступками в пучину хулы и противления всем заповедям Его? Нет на это воли Божией, потому что Он не желает смерти ни единого из детей Своих.

Что же тебе делать, сестра моя? Попробую я ответить на этот вопрос. Вот тот путь, который дал тебе Господь во спасение: ты должна слушаться своего мужа. Вне послушания спасения души не бывает. Послушание – это универсальный, воистину золотой ключик, открывающий едва ли не все двери на духовном поприще, которым следует человек, и взаимоотношения неверующего мужа и верующей жены не составляют исключения. Послушание жены-христианки мужу – вот первое условие ее успехов в духовной жизни. А ты слушаешься ли его, сестра моя? Если да, то подними повыше свою голову! Не думай, что нет тебя хуже, раз муж твой, в отличие от мужа подружки твоей, не верует в Бога и в Церковь не ходит. Если ты и хуже ее, то совсем по другой причине. Твои грехи – они твои, плачь, сокрушайся о них, но знай о своей беде: никому ты не задолжала – кроме Бога и вверенных Им тебе чад, у которых из даров Божиих и малого ты отнять не имеешь права, потому что они, дары эти, не тобой им даны. И первый дар от Бога твоей семье – ты сама. Любовь Господа к детям Своим, верующим и неверующим, столь огромна, что, сколь ни была бы самоотвержена, как бы ни любила свою семью женщина, она не может воздать мужу и детям так, как от нее ожидает Господь. В этом осознании – источник глубочайшего покаяния, сокрушения и возможность безграничного самосовершенствования для женщины, жены и матери. Идя по этому пути, сбиться почти невозможно, и иго Христово будет на нем легко и радостно. Наша любовь к мужу и детям несовершенна, она постыдно мала. Так люби же их сильней, сестра моя, и не стыдись любви своей. Если ты будешь держать перед глазами высочайший образец (любовь Господа Иисуса Христа к чадам Своим), то грехи твои, связанные с отступлениями от уставов церковных, Господь покроет и простит тебя. Простит за любовь во имя Его…

При этом нужно помнить: если свои отступления от чистого учения о спасении души ты оправдываешь простой отмашкой руки: «А! Господь милостив, и так простит меня», то это очень опасный путь. И, слушаясь мужа, можно погубить свою душу. В своих неверующих домашних нужно видеть образ Божий и благоговеть перед ним. На этом пути предела

послушанию почти нет – есть только возможность «гасить» на себе грехи своей семьи, распинаясь за нее каждый день. И вот еще что: посмотри внимательно, сестра моя, на десять заповедей Божиих, перечти их! Ведь, слушаясь мужа, ни одну из них ты не нарушаешь: стараешься любить Бога всем сердцем и только Ему молиться, благоговеешь перед именем Его, радуешься воскресному дню, почитаешь не только своих родителей, но и мужа, не убиваешь, не прелюбодействуешь, не лжешь и не завидуешь. А раз так, то что же может воспрепятствовать тебе быть послушной женой своего неверующего мужа?

Вот конкретный человек и вполне конкретная, единственная его жизнь. Этот человек не верует, но Господь сказочно одарил его. Дал ему огромное счастье быть отцом своих детей, так какую же совесть мне нужно иметь, чтобы последовать совету очень молодого батюшки: — Вы христианка и обязаны воспитывать своих детей как христиан. Сейчас пост? Значит, и дети ваши должны поститься. Постарайтесь объяснить это своему мужу! Получается, что я должна сказать мужу буквально следующее: — Видел ли ты наших детей? Хорошо посмотрел на них? А теперь отойди в сторонку, да смотри – мне не перечь! Я буду их воспитывать сообразно со своими убеждениями, а ты полюбуйся, как это у меня получится. Но я не могу произнести подобных слов!!! Дети – это дар Божий, и не только мне, не могу я покуситься на него, совесть не позволяет. Не отниму ни единой из щедрот, которыми осыпал моего мужа Бог, встану справа и, не вылезая на передний план, буду подправлять, осторожно наставляя с молитвой своих детей, но не оттолкну, не оскорблю за неверие, не опорочу в глазах детей их отца. Нельзя наказывать человека за его неверие – это может сделать лишь долготерпеливый Господь.

Есть у неверующего мужа и еще один дар от Бога – любовь жены. Если что-то здесь отнять, то кто же восполнит это? Господь хочет, чтобы и этот сын Его был счастлив, потому что единственным оправданием брака является любовь супругов и их взаимное счастье. Но и эту любовь, не почитая ее совершенной, можно приумножить в себе, причем такое духовное делание угодно Богу. Как же это сделать? Вот что мне рассказала одна женщина: — Много лет я мечтала о венчании со своим неверующим мужем, и вот, наконец, уговорила его. Хотелось мне ощутить на себе то богатство даров, которыми осыпает Господь благословенную Им супружескую пару. А после венчания сказал нам батюшка несколько слов, пронзивших мое сердце: — Узы, которыми сегодня скрепили вы свой союз, не только для этой жизни, но и для другой, ожидаемой нами за смертным порогом. Как молния блеснула во мне мысль: «А ведь я жду собственной смерти с надеждой избавиться в другой жизни от своего мужа! Он для меня, христианки, как кандалы, которые не дают мне идти вперед». Как же стыдно мне стало! Оказывается, я так мало люблю его… Прошел год в тайной, невыразимой в словах работе над своей душой, и вот однажды я сказала самой себе: «Я готова разделить посмертную участь моего мужа – куда он, туда и я. Я не хочу с ним расставаться нигде и никогда. Я буду там, где будет он. Это не противление воле Божией: ведь я знаю, что Господь волен разделить на Страшном Судилище Своем мужа и жену, родителей и детей. Кто посмеет противиться суду Его? И я не противлюсь, но стараюсь приклонить свое сердце к готовности претерпеть страшную казнь за всю мою семью – вплоть до лютого ада. «Держи свой ум во аде и не отчаивайся», – так научил Господь старца Силуана. Мне кажется, что эти слова приложимы не только к жизни монаха, но и к любой другой жизни. Я спросила ее: — Значит, ты хочешь сказать, что сумела как бы возрастить в себе любовь к мужу? Но, может быть, все объясняется гораздо проще: ты просто привыкла к нему, наконец. — Нет, это не привычка. Это совсем другое. Здесь есть дуновение Духа Святого. Мы с мужем обвенчаны, а какое из церковных Таинств творится без Его участия? — И все-таки не могу я тебе поверить до конца. Как можно увеличить в себе любовь к мужу, если ее так мало или совсем нет? Ведь не секрет, что, выбирая спутника жизни, мы порой страшно ошибаемся. Над любовью вроде бы как и не властен никто. — Я почему-то думаю, что властен. У Бога есть такая власть. — Слушай, а

может, ты много молилась? — Ну, молилась, но я много молиться не умею. А вот насчет стыда – этого было много. Стыдно мне было оттого, что я хладной своей душой отняла у мужа целую часть его единственной жизни. Другой-то жены, надеюсь, у него не будет, а вот я такая плохая. Бог сжалился надо мной и исправил мое сердце, добавив в него каплю любви к мужу. И я Его поблагодарила за такую милость.

Так вот оно что! Значит, не только можно, но и должно взращивать в себе любовь к мужу, и это не должно быть в связи с тем, верует он в Бога или нет. Господь учил, что солнце равным образом светит и праведным, и грешным. Так и любовь жены не должна зависеть от веры-неверия супруга. Да она и не зависит! Просто время у нас в Церкви сейчас такое: мы как будто забыли то, что народ Божий знал всегда. Припоминаем-припоминаем, а вспомнить не можем. Какая же супружеская любовь без послушания? Исследуйте все Священное Писание: что оно говорит о жене? Только одно: жена должна быть послушна своему мужу. Весь Ветхий Завет пронизан призывами к обращению в послушание жен, но, может быть, в Новом Завете иное? Да то же самое! Об этом многократно писал апостол Павел, который указывал, что в основе положенного от Бога неравенства жены и мужа лежит разность их творения: «…он (т.е. муж. – А.С.) есть образ и слава Божия; а жена есть слава мужа. Ибо не муж от жены, но жена от мужа; и не муж создан для жены, но жена для мужа». Но, может быть, это имеет отношение лишь к целиком христианской семье? Да нет же, «ибо неверующий муж освящается женою верующею, и жена неверующая освящается мужем верующим».

«Освящается» – вот какое удивительное слово сказано апостолом Павлом! Не так-то просто понять… Сколько женщин, теша свою гордыню, вообразили себе, будто они кого-то могут «освятить» своей персоной! Едва ли. А вот Господь все может освятить, приуготовляя путь ко спасению преданной ему души, послушливой и любящей. Она живет и будет жить среди неверных, которым Господь ради нее преизобильно ниспошлет Свою милость, и это будет их освящение. Церковь Православная признает святость брачного союза, а раз так, то следует прямо сказать измучившейся современной женщине, которая не знает, за что ей и хвататься в своей неверующей семье: ты должна слушаться своего мужа. Без твоего послушания добра в твоей семье не будет. Поэтому приободрись, голубка, и не бойся своего интуитивного желания послушаться мужа, уступив ему право распоряжаться тобой. Это не та широкая дорога своеволия, по которой, услаждая себя, идут прямиком в ад. О, нет! Это воистину «огненное искушение», здесь слезы, мука, раскаяние, страх гибели невозвратной. Это – крест, но и какой же это благодатный путь!

Послушание ради Господа Бога – нет на свете ничего проще и радостнее этого. Вот, скажем, смирение. Долгий путь нужно пройти, чтобы однажды где-то далеко впереди замаячил чей-то контур, вроде бы и неясный, но внезапно узнанный тобой: так вот ты какое, смирение Христово! И тут же, едва ты угадаешь, что этой красоте имя – Господь, Он отпустит твою измученную душу на свободу. Можно всю жизнь стремиться, идя по разведанной дороге, к смирению, но не стяжать его. А вот послушание – с ним намного проще: на этот путь можно встать сейчас же, не медля ни минуты! И самое поразительное, что все у тебя может получиться с первого же раза.

Путь послушания радостен и необременителен. Дело в том, что на этом пути дары послушливому от Господа преизобильны. Даже силы физические, которых от рождения мало, будут на этом пути умножены. Вот я иногда думаю: «О Господи! Да я буду трудиться, не покладая рук. Я не присяду отдохнуть и возражать-то никогда не буду. Я буду угадывать желания своих домашних, служа им. Только дай мне снова и снова тот мир душевный, который я знала, ту мысль благую, которую мне так интересно рассматривать со всех сторон, ту прилежную молитву, которой я молилась, бродя с пылесосом по квартире. Ты милостив ко мне,

Господи, потому что я мужа слушаюсь. Я буду послушной женой, и как же много за такую малость Ты даешь мне»”

Мир послушания во имя Господа прекрасен, и трудно не покориться этой красоте. Именно поэтому жена-христианка, покоряющаяся мужу-атеисту, поступает, на мой взгляд, правильнее, чем та, которая без разрешения мужа, поплевывая на его недовольство, бегает да бегает без конца в церковь или, не считаясь со вкусами супруга, меняет нормальную современную одежду (тут я не имею в виду уродливые мини да штаны в обтяг) на длинную юбку с бесформенной курткой, а изящные туфельки на небольшом каблучке – на какие-то тапки. Не стоит с поспешностью менять одну моду на другую. Пожалуй, правильнее будет носить ту одежду, в которой жена нравится своему мужу, и это – тоже послушание, и тоже от Бога.

…Пророк Исаия, всматриваясь в чудесную даль, которая и есть нынешняя наша Церковь Христова, донес до нас такие сказанные ему Богом слова: «Всякую гору сделаю Я путем». Для меня лично эта «всякая гора» и есть каждая семья, в которой Господь призвал кого-то одного к святой вере. Путь к Нему пролегает на этой «всякой горе». Сам Бог заботливо проложил его, поэтому не стоит пугаться видимой крутизны пути.

Все равно быть

Из записок женщины-христианки Кто, кто, кто знает, как тоскливо. Как уныло, как темно – не пойти в церковь тогда, когда хочешь. В великий праздник. В Пасху. Или просто в воскресенье. Весь день – как уставший в дороге и не присевший отдохнуть путник (надо дальше идти!) – плетешься, едва волоча ноги. Как – готовить еду, мыть посуду, затеять небольшую постирушку, – и знать: сегодня воскресенье. Как не идет утром молитва: семья встала, и не всунуть ее уже между обычных дел. Как чувствовать, что ты – стержень этого мирка, но сегодня – стержень без сердцевины; и видеть, как кренится этот мирок вокруг тебя. Заражается унылостью, недоброй отрешенностью, противопоставлением друг другу своего «"я». Как веселиться, когда невесело. Как разговаривать с гостями. Как придумывать «развлечения» для своих (стержень ведь!), когда помнишь, когда знаешь – для чего эти часы. Заполняешь их – а не заполняются они. Вылезают то там, то тут – часы, которые ты должна провести в церкви… И как непросто в такой день подумать: Господи, благодарю! Они смотрят на меня, они любят меня! Они со мной. Вот – моя церковь. Ведь обо всем можно договориться. Всех можно приобщить. Можно радоваться небу голубому, солнцу. Можно читать детям детскую Библию. Можно молиться Иисусовой молитвой… Все – от собственного малодушия и лени. Знаю это, вспоминаю, озаряюсь на минуту – и все, труба, снова тяжесть… Давно-давно я узнала рецепт. Не можешь по объективным причинам пойти в праздник в церковь – просто прими это, и все. Чуть ли не забудь. Не о празднике, конечно, о неудаче. Праздник-то где? В душе… Это испытание такое мелкое – все равно быть радостной.

Любовь

Из записок женщины-христианки Пять лет с одним человеком. Десять, пятнадцать. До конца жизни… Видеть его первым, едва открыв глаза. Его же – последним, перед тем как глаза закрыть. День за днем, год за годом. Мыслимо ли? Тебе, абсолютно другому человеку, со своей системой взглядов на мир, своими привычками и прихотями… Сначала Любовь все делает за тебя: бежит к нему, встречает с сияющей улыбкой. Обряжает тебя в красивые одежды: ему нравиться. Заставляет читать книги, думать, интересоваться тем, что ему интересно: с ним дольше говорить. Чтобы не наскучить. Чтобы длить драгоценное общение. Продумывает твое поведение до мелочей: пусть увидит тебя с самой лучшей стороны, в самом выгодном свете. Торопит угодить ему: вкусно накормить, незаметно зашить порванную перчатку, чтобы

помнил. Чтобы грело: рядом – женщина. На сколько хватит любви – на год, два? На месяц? Здесь – как в вере. Новоначальному – благодать, потом – искушения, труд. А дальше – то, чего добился этим трудом: по работе и награда будет. Кончился запас любви, Божьего дара, – работай сам. Не любить – просто. Все успевать по дому, хозяйничать, стряпать, убирать, водить детей в кружки. Чтобы не одергивали, не попрекали. Так надо, так положено. Найти себе «параллельную жизнь» по интересам, отдушину: разговоры по телефону, сериал «Скорая помощь», аэробика… В этом контексте и церковь, «церковная жизнь» – то же самое: попытка уйти в параллель с действительным миром. Посмотрим со стороны: только что жили как жили, а тут на тебе я хожу в церковь, я читаю молитвы утром и вечером, я не ем мяса по средам и пятницам – и я хорошая. По крайней мере – гораздо лучше тебя. «Ладно. А я – плохой», – в раздражении и недоумении заявляет муж, наблюдая всю нелепицу происходящей перемены. Что такое христианство? Во всяком человеке увидеть доброе, увидеть образ Христа и любить его за это, отбрасывая все остальное, как шелуху. А мы, в своем первом благом порыве, все делаем с точностью до наоборот и начинаем – с собственной семьи, со своей «малой церкви». Вырваться «с мясом» в храм и отвести душу потом, у церковной ограды: «Опять дома скандал. Он же ничего не понимает, ему ничего не надо. Только деньги и телевизор. Не знаю, что делать…» Плетется, плетется параллельная жизнь: отработал первую – и в свою. Самое трудное – жить здесь и сейчас. С тем, что дано Господом. С тем, кто сейчас рядом. Самое трудное – заставить себя любить. Когда, казалось бы, нет никаких чувств к этому почти чужому, чуждому тебе человеку. Вот он приходит с работы. Уставший, раздраженный, готовый вот-вот сорваться по любому поводу. Трещит голова, с утра без нормальной еды. Что он хочет, что ему нужно? Да ничего: поесть, попить, лечь на диван пластом – с газетой или телевизором, а потом уснуть. И больше всего ему НЕ нужно – наших упреков и своих мыслей о том, что он не такой, как мы, что он – неверующий, а значит – что-то в нем не так… (а ведь есть эти мысли за кажущейся непроницаемостью). Его жизнь проста и очевидна. Он работает – потому что хочет обеспечить свою семью. Он устает – и анестезирует свою усталость «по интересам»: от телевизора (самого безобидного в этом случае варианта) до выпивки… Облечь это существование смыслом, радостью, осознанием – наша глубокая, затаенная мечта. Вот он – наш дом: плитка в три конфорки, раковина с посудой. Ты готовишь, моешь – а пока загляни в себя, подумай: с чем зайдешь к ним, сколько любви в твоем сердце? Вот она – твоя домашняя церковь: муж, дети… Радуйся их радостями, плачь над их огорчениями. Смотри на них и служи Богу… В своем послании говорил апостол Павел: «Лучше было бы девице не ходить замуж. Потому что незамужняя девица более угождает Богу, а замужняя – мужу». Но мы уже выбрали свой путь. Не свернуть с половины, через какие бы зигзаги и выбоины он ни шел. «Каждую гору сделаю я путем», – говорит Господь. И тем успокаивает мятущуюся душу нашу. Потрудись немного, нетерпеливая душа. Не иди параллельно, будь внутри. Придет радость и к тебе, раздражение сменится жалостью, а неприязнь – любовью. И Господь вознаградит твои страдания.

Елизавета Пархоменко: Когда человек приходит к Богу, все его существо под воздействием некой таинственной силы наполняется, пылает огромной любовью к Создателю. Эта любовь дает силы отказаться от прежней жизни, от грехов и привычек, вошедших в саму плоть человека, и полностью отдать себя служению Богу. На языке богословия это чудесное касание называется благодатью призывающей. Однако проходит какое-то время, и Господь предлагает человеку самому, по свободной воле, через трудности и препятствия прийти к Нему. Ибо всякая любовь подразумевает не только озарение свыше, но и личные усилия человека. С той же ситуацией мы сталкиваемся и в отношениях мужчины и женщины: пока люди влюблены друг в друга, они готовы прощать недостатки, помогать переносить трудности жизни. Но главное – человек готов доверить свое сердце другому, а это всегда приносит страдания. Как говорит христианский писатель К. С. Льюис: «Застраховаться невозможно, любовь чревата горем. Полюби – и сердце твое в опасности. Если хочешь его оградить, не отдавай его ни

человеку, ни зверю». Во всякой любви, и особенно в супружеской, ты отдаешь, открываешь свое сердце другому, и он может с ним сделать все, что захочет. Человек на твое доверие может ответить жестокостью, предательством, в конце концов, в этой жизни он будет страдать, и ты будешь страдать вместе с ним. Но нередко со временем первый пыл влюбленности гаснет и наступает время семейной рутины, привычки и обыденности, когда нет больше силы, вдохновляющей на возрастание в единстве. Принимать ли это как должное? Говорят, что невозможно заставить себя полюбить. Невозможно без труда! А если мы готовы трудиться в этом направлении, то рано или поздно нас ждет успех. Святой Макарий Египетский учит: «Надлежит понуждать себя, даже против воли сердца, к любви – если кто не имеет любви; к кротости – если кто не имеет кротости; принуждать себя к тому, чтобы быть милосердым, чтобы терпеть пренебрежение, когда пренебрегают, не приходить в негодование, когда уничижают; надлежит принуждать себя к молитве, если не имеет кто духовной молитвы. В таком случае Бог, видя, что человек столько подвизается и, против воли сердца, с усилием обуздывает себя, даст ему истинную любовь, истинную кротость, истинную доброту и истинную духовную молитву». Святая Церковь, уподобляющая супружеские отношения отношениям человека с Богом, хранит советы, как возродить первоначальное горение любви – как к Богу, так и к человеку. Вот основные моменты, о которых необходимо помнить супругам. Даже психологи отмечают, что современные люди совершенно неспособны сосредоточиться, побыть наедине с собой. Естественно, что такой человек неспособен направить свое внимание и целиком вслушаться ни в голос Божий, ни в человека-собеседника. Психологи (например, Э. Фромм) для решения этой проблемы предлагают взять на себя ежедневное правило размышлений. Православие же предлагает учиться молиться. Внимательная, вдумчивая, сосредоточенная молитва научит человека быть обращенным не только на себя, научит слышать, чувствовать другого. Как во всяком сложном деле, в любви необходимо огромное терпение, желание преодолевать трудности и неизменное стремление к совершенству. Сама по себе любовь не сохранится. Готовность слушать другого, принимать его претензии, советы; стремление к честности и открытости – вот что поможет сохранить любовь на всю жизнь. Смирение является важной составляющей всякого общения с ближними. Смирение это умение вслушаться, преодолеть природный эгоцентризм и отдать первенство другому. Настоящая любовь, по словам митрополита Антония (Блума) подразумевает глубокую веру в любимого. Эта вера – желание и способность видеть в нем неповторимую личность, пусть часто и замутненную грехами. Это умение видеть человека в перспективе замысла Божия о нем. Это желание помочь ему в его развитии. Наконец, христианская любовь – активная любовь. Невозможно достичь высот любви, находясь в пассивной бездеятельности. Любовь – это каждоминутная жертва ради другого, служение другому.

История моего прозрения

Ксения: В Церковь я пришла, когда уже была замужем. Выходила я замуж в глубоком неверии, и моя профессия тоже была абсолютно далека от Бога. Я была тренером по шейпингу. То есть мой муж женился на тренере по шейпингу, со всеми вытекающими отсюда последствиями. И вдруг, спустя какое-то время, я пришла к вере. Конечно, не случайно: было много проблем со здоровьем во время первой беременности. Крещена я была в 18 лет: ну, покрестилась, как все, и ушла. Походив так лет пять, я вспомнила про Бога, когда меня постигли невзгоды. И стала ходить в храм. Поначалу, конечно, не знала никаких правил: что надо говорить, что и как надо сделать. Может, даже с каким-то суеверием приходила. Целовала иконы, ставила свечу. Такой процесс воцерковления шел очень долго. Помогло то, что родители мои тоже пришли к вере. Благодаря болезням, благодаря бедам, которые свалились на нашу семью. Появилась поддержка, мне стало духовно легче. А муж – он оставался таким, как был. Он смотрел на мое «увлечение» церковью как на хобби: вот, ты одним занималась, теперь другим занимаешься. Позанимаешься – пройдет. Но когда это мое

«увлечение» стало вмешиваться в жизнь нашей семьи и никуда уже от этого было не уйти, тогда и началась напряженность. Например, мне надо прочитать вечернее правило. Пока я управлюсь со всеми своими делами, получается поздно. Муж ложится спать, я ухожу куда-нибудь и читаю молитвы. Он приходит и говорит: «Что ты тут делаешь, что ты тут бормочешь, надо ложиться спать!» Вот все и началось с каких-то таких моментов. Потом он понял, что в воскресенье, единственный выходной, когда он может быть дома с нами, мы уходим в храм. Чем дальше – тем хуже. Чем глубже я воспринимала свою жизнь в Церкви, тем больше появлялось у мужа ропота. Я стала чужая для него, мы поняли, что у нас разные мировоззрения, я больше не крашу ногти, я больше не хожу на безумных каблуках, я больше не укладываю волосы по часу перед выходом на улицу. Я надела платочек, я хожу в длинной юбке. Мне было хорошо в этом состоянии, мне ничего не было нужно, я сидела там, внутри себя, как улитка, и ничто внешнее меня не интересовало. А мужу было тяжело это понести, но поначалу он думал, что это блажь и все пройдет. Но потом начал понимать, что это не проходит, и тут у нас с ним начались очень серьезные конфликты. Он стал запрещать мне ходить в церковь, он стал запрещать мне причащать детей. А детей батюшка благословил причащать каждую неделю, потому что они были нездоровы. А муж, наоборот, считал, что они болеют из-за церкви. Там толпа, там бабушки, все надышали на ребенка. Все причащаются из одной ложки… Если ребенок заболевал, он сразу кричал: «Это потому что вы были вчера в церкви!» То есть другой причины болезни ему вообще невозможно было представить. Когда я приходила к батюшке и рассказывала о своем муже, я описывала его таким, каким видела. А видела я его далеко не в лучшем свете. Я говорила: вот, он не дает мне молиться, он не дает мне поститься. Своей неправоты я совсем не усматривала в этом. Я все время считала, что он плохой, коли неверующий, а меня Господь посетил своей благодатью, и я на правильном пути. И, как на танке, я ехала в православие, таща за собой своих детей. И вся моя семья, родители, все мы такие правильные и хорошие, а он один – ну, что поделаешь, вот такой он у нас, больной… Это мнение стало распространяться на него и со стороны родителей. Мы его так и воспринимали: как бы в семье не без урода. И он тоже начал воспринимать себя так. После чего стал заявлять: «А я вообще никогда не приду в храм. Я, глядя на вас, вообще не хочу никуда идти. Да, я буду таким. Каким вы меня видите, таким я и буду». И вот в таком состоянии мы очень долго жили. Когда дошло до того, что он перестал мне давать детей на Причастие, то есть утром он просто хватал их и прятал в комнату, а я не знала, то ли мне силой выдергивать их, то ли вообще не идти, я была совершенно обескуражена и поняла, что все зашло в тупик. Я поняла, что не чувствую к нему никакой любви. У меня появилась ненависть. Я даже стала думать, что хорошо бы было, чтобы он от нас ушел. Насколько мне было бы легче жить! Я бы могла спокойно ходить в храм, я бы могла спокойно молиться, сколько я хочу. Ну, конечно, мне было бы трудно материально, но Господь же поможет, думала я, как-нибудь все это разрешится, зато все мы будем православными, верующими, у нас будет полная гармония. А он – ну что же, пускай сам как-нибудь думает, решает, разбирается… И я стала вынашивать такую мысль: как бы нам развестись. Брак у нас был невенчанный, причем, чем дальше я уходила в веру, тем больше он не хотел со мной венчаться. Если раньше у нас были какие-то разговоры на эту тему, он даже говорил: «Ну ладно, если тебе так надо, мы повенчаемся с тобой, конечно», – то теперь вопрос ни о каком венчании даже не стоял, он говорил: «Нет уж, чтобы еще и я сошел с ума!» Потом он сказал, что при разводе он отнимет у меня детей и докажет, что я ненормальная. Все признают, что я сумасшедшая, потому что для мирских людей я действительно сумасшедшая. Конечно, это меня немножко остановило в моей решимости разводиться, но жить было невыносимо, настолько все было сложно. И я рискнула попросить благословения старца на развод. И поехала к старцу. Когда я приехала туда, батюшка мне сказал, что вообще речи о разводе быть не может, он сказал, вы вообще повенчаетесь, а причины развода никакой и нет. У меня был просто шок, я не понимала, почему все так произошло. Как же батюшка меня не понял? Я же вся правильная, я же не могу с ним жить той жизнью, какой я жила раньше, в то же время он не хочет принимать мою… Тем

не менее, я решила, что, раз нет на развод воли Божьей, то надо как-то терпеть. Но терпеть было невозможно, и у нас дошло до того, что мой муж сказал: «Все, мы с тобой разводимся, но знай, что виновата в этом Церковь». Естественно, при этом он хулил Бога, собирался выкидывать иконы каждый раз, когда я уходила в храм. Тогда я считала, что я права, ведь написано, что в воскресенье надо быть в храме, ведь написано, что тот, кто не с нами, тот против нас, ведь написано, что оставь отца твоего и мать и иди за Мной! Я понимала это совершенно буквально и считала, что вот так и надо, прямо идти и все. И когда все зашло в тупик, мой муж сказал: «Прежде, чем мы разведемся, я пойду к твоему духовнику, я хочу его увидеть лично и рассказать, до чего дошла наша семья и что я, вообще, думаю обо всем этом. Я хочу поговорить с ним как мужчина с мужчиной». Ну, я не могла уже удерживать мужа, я сказала: ну ладно, идем. Мы пришли к батюшке. Духовник в то время был на моей стороне. Он не видел моего мужа, он слышал о нем по моим рассказам и оказывал мне поддержку. Батюшка принял нас и довольно много времени уделил моему мужу. Он отвел его в свободную комнату, я не знаю, о чем они там разговаривали, разговор был очень долгий, но, когда мой муж вышел от батюшки, это был совсем другой человек. Он просто вылетел оттуда, обнял меня и сказал: «Ну, пойдем скорей домой, сейчас зайдем в хозяйственный магазин, я тебе куплю ту кисточку, которую я сломал, когда ты кропила наш дом». Я, конечно, была поражена этому чуду, но, подозвав меня, батюшка сказал: «А ты чтобы слушалась своего мужа. Каждое его слово. Ты поняла? Вот тебе мое благословение…». Я никак не могла осознать, что случилось. У меня снова было состояние шока. Как они нашли общий язык, почему я должна его слушаться? Но батюшка сказал: «Ты на него валила-валила, а на самом деле, ты посмотри на себя, ты не стоишь и его пятки!» И я стала думать, как это я не стою его пятки, ведь я уже где-то там, наверху, так уже хорошо иду к Богу, и вдруг какой-то тут грешник, с которым я вынуждена жить и терпеть все эти мучения, вдруг я не стою его пятки! Но я всегда воспринимала слова священника как волю Божью. И если священник сказал, что я не стою его пятки, я действительно не стою его пятки. Нужно найти, почему я не стою. И я стала смотреть на мужа другими глазами и пытаться разглядеть, что же там такое священник нашел. Батюшка еще сказал: «Ты посмотри, как он тебя любит, как, я не знаю, мало в каком неправославном человеке присутствует такая любовь». Это вообще меня потрясло… Я считала, что какая там любовь, все давно прошло, ведь как можно к любимому человеку относиться так жестоко. Но, посмотрев-посмотрев, я увидела, что ведь муж работает ради нас с утра до вечера, он ради нас готов сидеть в воскресенье один и ждать; все праздники православные – Рождество, Пасха – мы уходим, оставляем его одного… Он, действительно, столько делает ради нас! И я стала думать, а что же я делаю ради него. И выяснилось, что ничего. Не говоря уж о том, что я что-нибудь бы делала для его спасения. Я делала все ради своего спасения и спасения детей. Опять же детей я считала совершенно своими, и потом, когда я стала разговаривать с ними на эту тему, у них так и промелькивало, что папа – грешник, что папа у нас нехороший, он ругается и хочет выкинуть иконы. Я увидела, что дети видят его совершенно такими же глазами, как я. И куда это зайдет, когда они вырастут, если они сейчас не уважают отца, слово отца ничего не значит? Я стала потихонечку менять этот стереотип. Я стала говорить, что, да, папа ругается, но в этом мы виноваты. Мы его не послушались, мы спровоцировали его. Мы плохо за него молимся! Мы молимся за него? Мы вообще за него не молимся! И когда духовник спросил: «Как ты молишься за него? Ты кладешь за него земные поклоны, ты что-то читаешь? Как ты просишь Богородицу, чтобы он пришел к вере?» А никак я не прошу! Вот он не идет, так это его личное дело. Я же сама пришла! И я вдруг испытала к нему жалость. Я поняла, что, если мы с ним разойдемся, ведь никто его не спасет! Быть может, первым порывом у меня было чувство гордыни: если не я помогу ему спастись, то кто же! Возьмусь-ка я за него, буду его исправлять. Но, когда я взялась за его исправление, то увидела в нем столько достоинств, которыми сама не обладала. Я увидела, что, находясь долго в храме, я запустила дом. Ведь я ходила на все воскресные и праздничные службы, на все молебны! И дома развелось много беспорядка, физически мне было не управиться, плюс маленькие дети. Я считала, что это

нормально, ведь я не могу успеть все, так буду успевать главное. То есть, посмотрев на себя со стороны, я увидела, что я хозяйка никакая, что я не готовлю ничего вкусного, дома у нас беспорядок, мы папу не встречаем, в общем, муж у меня находится в черном теле. И тут, когда я так стала сравнивать себя и его, я вдруг увидела, что я действительно не стою его пятки! У меня в голове произошел просто переворот! Мы с ним решили написать, что мы хотим друг от друга. Требования к мужу и требования к жене, так мы назвали эти листочки. Я, конечно, написала, что хочу, чтобы он ходил в церковь или хотя бы не запрещал нам это делать. А он написал элементарные вещи: я хочу, чтобы в доме был порядок, я хочу, чтобы в воскресенье или хотя бы в какие-то дни мы вместе гуляли. Я хочу иногда, хотя бы раз в месяц, получать пироги… То есть совершенно простые, человеческие вещи. И я подумала, что случится с моим православием, если в праздники я напеку своей семье пироги! Что плохого, если я наведу порядок в доме. Что плохого, если мои дети погуляют с отцом, и пускай он в это время им что-то расскажет, пусть далекое от веры, но не плохое же, не желает же он им зла! И вот, у меня что-то переломилось в душе. И я стала его очень любить, я почувствовала, что была неправа. У меня возникло чувство вины. Я увидела, что это я разрушаю нашу семью, я, а не кто-то другой! И я стала делать маленькие попущения. Снимала платок, когда мы выходили с ним куда-то. Я согласилась ходить с ним в гости, я надела юбку не совсем уж до пят, надела брюки, потому что ему это нравилось. Я, быть может, могу снова подкраситься и подкрутиться, ведь я делаю это для него, а не для самолюбования. Я делаю так, потому что ему приятно, потому что ему это важно. И, сделав это для него, я почувствовала, что могу в своей семье делать то, что хочу: молиться, сколько угодно, пойти в церковь, когда заблагорассудится… Мужу было важно, что я ему уступила в чем-то. И он в благодарность согласился уступить что-то и мне. И мы начали так балансировать: я уступаю ему немножечко, что допустимо, а он уступает мне. Конечно, в главном, в основном я бы не поступилась никакими убеждениями, например, никогда не согласилась бы на аборт. Но в пустяках, в мелочах – почему бы нет? Ведь я люблю его! Я стала относиться к нему по-другому: он еще не с нами, его еще не посетило то, что посетило меня. Так почему я должна так гордиться этим, ведь неизвестно, кто из нас туда раньше придет. Я, может, буду всю жизнь свою идти и не узнаю того, что ему Господь откроет за один или два года. Ведь я не могу знать, когда Бог приведет его в Церковь, и каким он станет. Я стала верить, что у нас все будет хорошо, что мы повенчаемся. Я стала верить в него. Что он сейчас, ну, такой вот бедный человек, но он все равно придет. По его терпению и смирению Господь даст ему. Ведь он смиряется перед моими «заскоками», как он это понимает. У него, на самом деле, терпения гораздо больше, чем у меня. Ведь мне было все равно, что с ним будет, лишь бы мне не мешал. А он все время говорил: «Ну как же я вас оставлю, что вы будете есть?» То есть, у него душа болела за нас. Хотя у меня, у православного человека, душа по этому поводу не болела. И я поняла, что действительно, по делам нашим осудят нас. А не по тому, сколько мы выстояли в церкви и сколько часов мы молились… Дети спрашивают: «А почему папа у нас не молится?» Раньше я бы сказала так: потому что он не понимает ничего, потому что он грешник. А теперь отвечаю: «Он молится, но про себя. Он стесняется еще. Мужчинам можно молиться про себя». И перед едой, когда мы читаем молитву, они спрашивают: «Пап, ты молишься там?» И он, понимая, что я как бы его защищаю и повышаю его авторитет, бурчит им: «Да-да, молюсь я, молюсь, отстаньте, мол». Потом я вдруг услышала как-то утром, когда была занята своими делами и он кормил детей без меня, что он сказал им: «Почему же вы не помолились? Ведь вам мама не разрешает есть без молитвы, почему вы не молитесь? Вот когда мамы нет, так вы сразу и забываете?» И для меня, конечно, это было очень важно. Я поняла, что я на правильном пути. Что только любовью я спасу его и спасу себя. И вытащу всю нашу семью. Потому что так, как действовала я раньше, действовать просто нельзя, запрещено! Я увидела это на практике… Потом он вдруг сделал нам полочку для икон. Это был для нас, конечно, огромный праздник. А однажды он сказал мне: «Давай повенчаемся, мне стало так хорошо с тобой, что я согласен повенчаться». Ну, конечно, у меня радости не было предела, и я выражала ему эту радость теми способами, какие были приятны ему. Сейчас я не могу сказать,

что все так уж хорошо, бывают взлеты, бывают падения, бывает, мы не понимаем друг друга. Но я иду путем уступок. Путем жертв любви друг ради друга. И он уже много что мне разрешает. Он начал встречать нас из храма, он стал с пониманием к этому относиться: ну, надо вам в воскресенье в храм, ну идите. Он ждет нас из церкви по часу, чтобы детей довезти на велосипеде (у нас на даче церковь за три с половиной километра). Не может человек спастись один, невзирая ни на что. Нельзя идти к спасению по головам близких, за счет других. С ужасом думаю о том, к чему я вела свою семью, ведь действительно, я не смогла бы прокормить их, я бы не смогла дать мальчикам того, что дает им отец. Сейчас я вижу только большие плюсы от того, что мы с ним вместе. Пускай это очень тяжело, постоянно тяжело, пускай это постоянная работа, не расслабиться ни на минуту, но сейчас я все-таки чувствую, что наша семья счастливая. Да, он придирается ко мне, но и слава Богу, что придирается. А так бы я никогда не узнала, что здесь у меня плохо, там у меня плохо. Я на это смотрю, как на двигатель, который меня все время подталкивает. И то, что он не такой вот правильный, не кроткий, не попускает мне, это тоже хорошо, зато он сумел показать мне мою гордыню. Через него я увидела свою неправоту. Раньше, когда он кричал, я даже не вслушивалась, старалась пропускать мимо себя. А когда прислушалась, то поняла, что он прав. Только, может, сила выражения у него не соответствует моим оплошностям. И я ему говорю: «Ты потерпи на мне, я все исправлю. Я же терплю то, в чем ты не идеален. Так потерпи и ты…». И то, что я все-таки признаю эти свои оплошности, а не просто отмахиваюсь от него: опять ты скандалишь! – для него много значит. Сейчас я вижу, что дети подросли и очень тянутся к отцу, и это хорошо, это вообще нормально для мальчиков. Он уже не хулит Бога, он хотя бы принимает нашу позицию. И дети знают, что папа – где-то, пускай в глубине души, – но верующий человек.

Свящ. Константин: Свидетельство Ксении – замечательный документ человеческих взаимоотношений. Когда стало совсем плохо, вдруг нежданно показался просвет. И сегодня все идет к лучшему. Почему произошла ошибка в поведении Ксении?.. Как так случилось, что она поставила семейную жизнь на грань разрыва? Все дело, конечно, в личных грехах. В данном случае – это эгоцентризм и гордыня! Придя к Богу, в Церковь, Ксения почувствовала духовный комфорт. Это понятно. Жить с Богом действительно интересней, чем без Него. Но тут нас поджидает скрытая извечная ловушка лукавого. Вместо того, чтобы осмыслять христианство как переднюю линию фронта в войне с сатаной, в служении семье, людям, миру, нам хочется успокоиться в христианстве, уютно свернуться и блаженствовать. Возникает некая эгоистическая форма христианства. Христианин, идущий таким путем, сначала чувствует душевный уют от общения с Богом и нежелание соприкасаться с мирскими заботами. Затем его начинают раздражать те, кто его не понимает, и особенно те, кто напоминает о его мирских обязанностях. В это же время рождается уверенность (переходящая в злорадство), что «я спасен», а другие – безбожники, гибнущие в адской пучине, и мне до них нет дела. Следующая ступень – состояние, называемое подвижниками прелестью. Прелесть – это самообман, иллюзия, что ты в порядке. А до других либо нет дела, либо к другим испытывается надменное презрение. Но это гибельный, неправильный путь. Как существует грех сатанинской, безбожной гордыни, приводящей к тому, что человек ставит себя в центр мира: видит только себя, слушает только себя, носится только с собою; того же поля ягода – грех гнушения этим миром. Человек может оправдывать себя сколько угодно, но, по сути, он тоже видит и лелеет только свое мировоззрение. У Ксении этот процесс так далеко не зашел. Она сумела услышать священника. Услышать и поверить! Я знаю людей, называющих себя православными, которые дошли до такого уровня внутренней гордыни, что советы священника они слушают с иронией и плохо скрываемым легким презрением. Мне приходилось разговаривать с верующими, которые меня (священника) прерывали, смеялись в лицо и говорили: «Что вы там глупости болтаете, вы не понимаете…». Ксения услышала священника, и для нее начался процесс духовного выздоровления. И первым очень важным моментом для нее стало… обычное христианское Покаяние. Я – хуже, я плохая! Когда есть такое понимание,

человек начинает исправляться. Мне очень нравится следующий пример диакона Андрея Кураева. В книге «Школьное богословие» о. Андрей, рассказывая о Преображении Господа Иисуса Христа, напоминает нам одну фразу апостола Петра. Когда свет Фавора осиял апостолов, когда они пережили блаженное мистическое опьянение радостью, светом, смыслом, Петр восклицает: «Господи! Хорошо нам здесь быть! Если хочешь, сделаем здесь три кущи (то есть палатки. – К.П.)». Но Христос зовет апостолов вниз, с Фавора, в реальный непреображенный мир. С Фавора уже видна другая гора – Голгофа, и надо идти к ней. «На Фаворе нельзя оставаться не потому что – трудно, а потому, что Бог не разрешает. От средних веков дошел к нам простой совет: если в молитве твой дух вознесен даже до третьего неба, и ты видишь самого Творца, а в это время к тебе здесь, на земле, подойдет нищий и попросит накормить его – для твоей души полезней отвернуться от Бога и приготовить похлебку… “Бывает, – приоткрывает мир своего сердечного опыта преподобный Иоанн Лествичник, – что, когда мы стоим на молитве, встречается дело благотворения, не допускающее промедления. В таком случае надо предпочесть дело любви. Ибо любовь больше молитвы”» (диак. А. Кураев). Задача христианства – не приобщить человека к высоким религиозным переживаниям и в таком блаженном состоянии его оставить, а сообщить человеку силу достойно, свято жить в мире и дать импульс миру служить. Но не значит ли это, что, выйдя в мир, мы что-то растеряем?.. Безусловно. Но бояться этого не следует. Это ведь не наша заслуга, не наши духовные сокровища: это Божие. И если Бог захочет, Он все восполнит и даст еще больше. Представляю, как хорошо было апостолам в их сионской горнице в день Пятидесятницы, когда на них сошел Святой Дух. Как, наверное, им хотелось удержать эту благодать, не идти в мир… Но они спустились со своего Фавора, пошли… И потом, в четвертом веке, когда христианство было легализовано, когда оно было поставлено перед выбором: идти на контакт со вчера еще языческим миром, или замкнуться, боясь что-то из благодати утерять… – христианство пошло на этот контакт. Такая же дилемма лежала перед святителями Василием Великим, Иоанном Златоустом и прочими великими мужами Церкви. Им так хотелось побыть одним, помолиться, поразмышлять о Боге. Но приходилось устраивать приюты, больницы, школы и проч. Достаточно почитать житие о. Иоанна Кронштадтского, чтобы увидеть: ему тоже хотелось больше быть наедине с Богом. Но Господь призвал его к другому служению. Церковь никому ничего не навязывает. Перед каждым лежит выбор: пойти в монастырь либо остаться в миру. Если мы сделали свой выбор, надо оставаться честным до конца, пока, быть может, Бог не укажет тебе иной путь в жизни. Если у нас семья и дети, мы обязаны максимально служить семье. Не воровать время у мужа для Бога, а через служение мужу чувствовать, что ты служишь Богу. Часто в семьях, где один из супругов – христианин (или даже оба христиане), мы видим в жизни прикрытую благочестием, завуалированную элементарную лень. Лень, собственно говоря, нас сопровождает от рождения до могилы, и всю жизнь нужно противостоять ей, побеждать ее подвигом. И особенно горько, когда лень прикрывается набожностью. Активно играть с ребенком, по-настоящему, серьезно, интересоваться проблемами мужа/жены, позвонить и утешить стареньких родителей или помочь находящимся в беде родственникам/знакомым, разделить их проблемы – это, конечно, трудно! Тем более трудно так, отдавая себя, служить миру ежедневно. Проще в это время прочитать акафист-другой. Проще, это понятно. Но тогда давайте так и будем говорить: я ленивый человек, я к Богу бегу не от любви к Нему, а от нежелания служить миру и людям. Сама Ксения пишет о своем новом опыте жизни так: «…это очень тяжело, постоянно тяжело, …это постоянная работа, не расслабиться на минуту». И она добавляет, что именно теперь она счастлива. Это очень верно, потому что именно теперь началась настоящая христианская жизнь.

Тогда начнут меняться люди вокруг…

Православная семья. Алексей и Мария, вместе уже больше 10 лет:

Мария: Я крестилась в 25 лет. После этого начала довольно-таки активно ходить в церковь. В том храме, куда я тогда ходила, был батюшка, отец Валентин, личность которого меня в то время очень поразила. Буквально заворожила! Я стала туда ходить, в принципе, из-за него. Тогда я с Лешей (моим мужем) даже не обговаривала этот вопрос, просто одна туда шла, сына брала, он тогда маленький был… На исповедь ходила, причащалась. Правда, тогда все мои исповеди были какие-то сумбурные, кусками, одно вспомню, другое забуду. Но, так или иначе, ходила, примерно около года. А потом все это постепенно заглохло, потому что отец Валентин оттуда ушел, приход распался, и я вообще перестала в тот храм ходить. Как бы потеряла почву под ногами, мне стало неинтересно. И пару лет я вообще в церкви не была. А потом ходила эпизодически: вот мне захочется вдруг, вот, у меня такое настроение – и я иду в церковь. Я говорила Леше: «Поехали, съездим на утреннюю службу». Мы брали сына, садились в машину и ехали в храм. У храма я говорила ему: «Ну, пойдем…». А он всегда отвечал: «Нет, я тут постою, а ты иди». Я у него спрашивала: «А чего ты не хочешь зайти?» «Не трогай меня, не хочу я, тут пока постою». И гулял вокруг храма, а я внутрь заходила с сыном. Стояла там, слушала; тоже, естественно, половины не понимая. Так я ходила-ходила, а Леша все гулял рядом с храмом. Он относился очень спокойно к этим заездам, с каким-то внутренним пониманием, но внутрь идти не хотел. «Я не готов, говорил. Не чувствую внутренней потребности». Он не понимал свою роль в этом церковном действии, и вообще во всей церковной жизни. Просто не знал, что ему там делать. Пост я тогда соблюдала эпизодически, и духовная жизнь, я считаю, у меня была в загоне. То есть изредка, как и все люди, я вспоминала о Боге, думала: ой, надо сходить в храм, вот праздник завтра. Изредка читала какие-то молитвы, потом душевная лень одолевала. Причащаться я практически не ходила, только один раз за все это время. Отца Валентина не было, другого батюшки, к кому бы могла пойти, я не видела. Я искала человека, который бы меня вел по жизни… Ну вот, так и жила. Схожу, ребенка причащу, поскольку готовиться не надо. Причастила – вроде, какой-то долг исполнила, ушла. В общем, не было упорядоченности… Но сама я в этот момент была, конечно, не вне Церкви. Раз ты уж человек крещеный, значит, ты не можешь быть вне Церкви, никуда ты не денешься. Ведь душа у человека – христианка, и моя душа тянулась к этому, я чувствовала, что это – истина. Но упорядоченности какой-то, воцерковленности, вот этого у меня не было. Полтора года назад мы с Лешей пришли в этот храм, в который и сейчас ходим, пришли с одним горем. В то время, когда мы не знали, что делать, как жить, мы пришли к выводу, что нам нужна духовная помощь. Нам нужен совет духовного человека. Я позвонила своей приятельнице, которая, я знала, ходит в православную церковь, и спросила ее, не знает ли она, к кому можно обратиться. Она сказала: вот, приходите к нам, у нас замечательный священник, отец Александр, он врач, интеллигентный образованный человек, к нему можете обратиться. И мы пошли. Сначала подошел Алексей со своей проблемой, точнее, с проблемой своей родственницы. Когда он спросил батюшку, как ей помочь, батюшка сказал: «Начинай с себя. Ты не поможешь, пока сам невоцерковленный человек». Это послужило очень большим толчком. Батюшка сказал: сначала тебе нужно исповедоваться и причаститься. Раз он так сказал, то Алексей не мог не пойти. Он понял внутренне, что ему это надо. Он готовился очень серьезно и причастился тогда в первый раз за свою жизнь. И со мной тогда батюшка поговорил, сказал: вот, мол, давай и ты. И я пошла, экспромтом. Рассказала о том, о чем сердце болело… В этом отце Александре я увидела своего духовника, которому я могу поверять свои проблемы, решать вопросы какие-то. Он меня сразу зацепил, и я поняла, что должна остаться здесь. Так и осталась. Личность священника, которого бы я знала, к которому бы я могла прийти, зная, что иду конкретно к нему, – это для меня очень важно. Тогда был тот момент, когда я снова пришла в храм. И Алексей пришел… Когда муж и жена живут нормальной семейной жизнью, они составляют одно целое. Они – одно тело. С одной душой, по большому счету, даже. Естественно, что мысли и переживания одной половинки не могут не затрагивать переживания второго человека. Поэтому то, о чем я переживала, то, чего я хотела, мои мысли, мои желания, я думаю, сыграли большую роль. Молиться я еще по-настоящему не

умела, но, по крайней мере, я все время думала: как хорошо было бы, если б мы вместе ходили в церковь, были бы единомышленниками… Сначала, когда мы только поженились, было по-разному – и хорошо, и плохо… Но когда мы стали жить нормальной семьей, мы стали одним целым. Мы стали любить друг друга именно в христианском смысле – делиться радостью, делать добро друг другу. Мне очень хотелось, чтобы ему было хорошо. Вот, мне хорошо, так почему же он мается! Хотелось, чтобы он успокоился, нашел внутренний покой, гармонию. Их жалко, наших мужчин, на них такая нагрузка! Громадная нагрузка: семьи, работы, денежных проблем, воспитания детей. И без поддержки Господа сделать все это самому – очень трудно… Начинается – либо вино, либо пиво, либо курево, либо какие-то совершенно непонятные развлечения, которые, в итоге, радости не приносят, а только усугубляют все. Когда женщина видит, что мужчина так мается, мечется, ей хочется привести его к какой-то тихой гавани. И сказать: вот оно, ты лишь открой глаза, открой свое сердце! Ведь любовь – это желание поделиться радостью, которую человек имеет. И вот именно это привело его к Богу. Пусть с другой стороны: я через чувства пришла, как многие женщины, а мужчины приходят через разум, от сознания, что им чего-то не хватает, они что-то хотят получить. Вот он пришел через это. Внешне я ничего не проявляла, не говорила на тему религии, потому что поняла, что это бесполезно. Эта тема, вообще, была для него болезненная. Да и часто любая мысль, облеченная в слово, становится фарсом. Я поняла, что говорить ничего не надо, надо просто жить, надо просто любить этого человека, принимать его таким, какой он есть, со всеми его проблемами и заморочками. И радоваться, стараться эту радость в дом принести, и эта радость потом начинает как-то всех окутывать, она обволакивает всех и приводит всех к одному знаменателю – и мужу, и жену… Ведь самое трудное – любить. Именно не принимать любовь, а эту любовь отдавать. И когда человек научается отдавать любовь, делиться ею, тогда начинают меняться люди вокруг него. И дети, и муж… Это я четко поняла.

Алексей: Я не сам к этому пришел, а меня привел Господь. Это совершенно точно, вел, как на веревочке слепого котенка. Вспоминаю, как классе в десятом мы с мамой были в гостях у одной верующей женщины. У нее была книга Джона Мильтона «Потерянный рай». Почему меня тянуло ее читать? Казалось бы, лето, купание, а я каждый день садился и читал эту книгу. Потом я крестился, на втором курсе, – тоже по непонятным причинам. Просто Господь меня тянул за руку… Потом я одно время ходил к своим знакомым по два раза в неделю и читал у них Библию, по собственной инициативе. Почему – не могу сказать. Вот так тянуло меня все, тянуло… Я всегда много читал, и всегда, еще с детства, у меня была потребность в справедливости. Мне хотелось узнать ответы на многие вопросы. Переломной книгой для меня была «Дорога к рабству» Хайека. Хотя это совершенно нехристианская книга, это анализ тоталитаризма, и вроде никакого отношения к христианству не имеющая, но именно она стала поворотным моментом в моем мировоззрении. Поворотом к тому, что я задумался – кто я и зачем. А вот дальше, после постановки этих вопросов, наметилась более узкая дорога и направление. Потом я стал читать русских философов: Бердяева и т. д. Очень хорошо помню первую книгу – Франка. Но все это была лишь дорога к самому важному. Это ведь книги о. А не в. Можно рассуждать о Боге. Но нужно жить в Боге… И вот, я прошел через все эти книги. Рерихов читал, потом мы увлеклись Малаховым с его очисткой организма. Начитались «Диагностики кармы» и решили, что надо очищаться. Увлекался вегетарианством и так далее… Последние события – это уже были капли, которые переполнили меня… Я так и сказал священнику: «Батюшка, все, больше не могу, устал, хожу вот уже восемнадцать лет вокруг да около…». Батюшка так взял меня за руку: «Ну ладно, давай воцерковляться понемножку…». Мне повезло, что меня не занесло ни в какую церковь другую: ни к баптистам, ни к иеговистам. Несмотря на то, что я в молодости два раза был у них… Наверное, потому что у нас в семье всегда считалось, хотя все были совсем не религиозные, что церковь в России может быть – только православная. Есть католический костел – но это музей. И я могу только склонить голову и сказать: «Слава Тебе, Господи, за то, что Ты так добр ко мне. Что Ты все-

таки привел меня, куда нужно. За что эта любовь – не знаю. Уж точно не по делам моим…». Без Марии, наверное, я так бы и не дошел. Хотя, думаю, дошел бы, но когда? Ее роль в этом была – решительная. Именно решительная, а не решающая. Нередко, благодаря ей, я сподабливаюсь на какие-то действия, на которые сам зрею-зрею, а чего-то не хватает. Вот тут она меня и подтолкнет: ну-ка! И, при всей моей сильной воле, она бывает последней, но точной каплей. Подталкивает именно решиться. В те годы, когда она ходила в церковь, для меня это было очень важно. Я со стороны присматривался, по-честному. К тому, как она в Церкви пытается жить. Тогда подтолкнуть меня было еще невозможно. Я подтолкнулся тогда, когда пришло время. А тогда я просто смотрел на нее, и разные у меня были мысли: и плохие, и хорошие… Ведь если все ровно: позитив и позитив, – так не бывает, тогда и жить-то не надо. Просто это происходило, и во мне, соответственно, тоже происходила работа. Что-то думал, что-то анализировал, и в результате так и шел – дальше, дальше… Все внешние атрибуты я спокойно принимал. Я туда идти не мог. То ли неудобно, то ли стеснялся. Гордыню надо было побороть – прийти к батюшке и склонить голову. Очень многие мои знакомые, которые еще не дошли, говорят: а что я пойду к священнику, он такой же, как и я. Это и у меня было. Понимать-то, что он поможет, я понимал. А мешало… Я не могу даже объяснить, но мешало что-то внутри, и все тут. Не мог я сам. И тут подошло время, и Мария сказала: все, иди. Ну, тут я уже как бы созрел, и меня прорвало. Вот так.

О молитве

Елизавета Пархоменко: Святые всех времен утверждают: христианин всегда должен помнить о четырех составляющих духовной жизни и продвигаться во всех четырех направлениях. Это: доброделание, участие в богослужебной жизни Церкви и ее Таинствах, личная молитва к Богу и чтение духовной литературы. Эти четыре точки, четыре пункта – по сути, различные проявления одного стремления – стремления человека встретиться с Богом. Молитва, говорят святые, – это беседа с Богом, обращение одной личности к Другой. И в этом смысле и индивидуальная молитва дома, и молитва соборная за богослужением, и чтение и размышление о духовных вещах, и доброделание – все это можно назвать молитвой. Действуя в каждом из этих направлений, человек обращается к Богу либо непосредственно, либо через ближнего. Святитель Феофан Затворник писал своей духовной дочери: «Вы совершенно верно определили для себя основную цель жизни – соответствовать высокому достоинству человека. Для этого вовсе не обязательно (во всяком случае, чаще всего) кардинально менять внешнюю сторону своей жизни, основные изменения касаются сокровенной духовной жизни человека. Обычно можно по-прежнему работать в том же месте, не разрывать общения с друзьями, интересоваться теми же предметами, что и прежде. Только все это наполнится иным содержанием, все это будет важно не само по себе, теперь человек через все это будет восходить к Богу». Христианин, живущий в миру, не может молиться целыми днями. Любовь к ближним для него – основной вид молитвы. Апостол Павел говорит: «Непрестанно молитесь». Доброделание во всех видах, и, в первую очередь – как любовь к окружающим людям, должно стать фоном всей нашей жизни, тогда мы исполним или приблизимся к исполнению заповеди апостола. Самоотверженное, сопряженное с терпением и любовью служение ближнему превыше всех других добродетелей, учат святые. Иоанн Лествичник писал: «Любовь больше, чем молитва. Молитва – добродетель среди прочих, в то время как любовь обнимает собою все добродетели». А другой святой, сравнивая доброделание с другими подвижническими трудами, говорил: «Даже если брат, постящийся шесть дней кряду, подвесит себя за ноздри, он все равно не сравнится с тем, кто заботится о больных». Если говорить о молитве в более узком смысле: о молитве личной, домашней, то, конечно, легче всего молиться в тихом, уединенном месте. Но редко удается найти такое место и время. И это, конечно, не должно стать препятствием в молитвенных упражнениях. Те, кто жили в общежитии, знают, как тяжело было вначале отключиться от всего окружающего и сосредоточиться на занятиях. Однако при

старании вскоре можно научиться даже в шуме и суете заниматься, к примеру, научными трудами. Так и в молитве: безусловно, сложнее молиться в отвлекающих условиях, но это возможно. В случае же успеха человек будет обладать бесценным умением в любых обстоятельствах поддерживать связь с Богом, научиться не позволять окружающему хаосу прорываться в его душу. Если вообще нет возможности помолиться дома, можно помолиться и в транспорте, и на прогулке с детьми.

Мои молитвы

Из книги А. Соколовой «Две моих свечи»: Об Иисусовой молитве я много читала, пытаясь писания святых отцов приложить к себе лично. Конечно же, преуспеть в этом я не смогла… Много облегчило меня чтение святителя Феофана Затворника. Его объяснение того, как надо хранить памятование о Боге в течение дня, приложилось к моей жизни как нельзя лучше. Доля жена, матери такова, что от кучи мелких дел, забот, слов, которые надо сказать, мельчаешь характером, погрязаешь до самой макушки в каком-то бездонном месиве: дела домашние делать не переделать, и конца им нет. Стала я приспосабливать к этому свою душу, стараясь держать ее повыше, и получилось это у меня так. О всех мелких-мелких домашних делах молюсь словами, по возможности самыми простыми, причем заметила, что о самых-самых незначительных вещах молитва получается едва ли не детской, какой-то очень уж простой… Суп варю – о супе молюсь, чтоб он вкусный получался, пол мою – прошу у Бога сил, чтобы домыть его до конца и не растянуться от этого в полном изнеможении… И не то чтобы я это делала исключительно ради собственного благополучия (хотя и на успех всех моих домашних дел я очень надеюсь и желаю его), мне важно другое. Я очень благодарна апостолу Павлу за слова о молитве, включенные им в Послание к Филлипийцам: «Господь близко. Не заботьтесь ни о чем, но всегда в молитве и прошении с благодарением открывайте свои желания перед Богом, и мир Божий, который превыше всякого ума, соблюдет сердца ваши и помышления ваши во Христе Иисусе». Вот этого я и ищу, вот поэтому я и молюсь над кастрюлями, магазинными авоськами да бесконечными рубашками, большими, поменьше и совсем маленькими: чтобы «мир Божий», о котором мне, женщине, невозможно и помыслить, накрепко заключил меня во Христе Иисусе. Иначе молиться я не умею… Есть у меня еще одна, помимо хозяйственных забот, отрадная возможность для памятования о Боге. Детки мои, поскольку мать их – женщина современная, то есть работающая, должны посещать соответствующие казенные заведения: детсад, школу, начальную и музыкальную, порой и продленку… Вот и стараюсь я молитвой поддержать их, когда они вдали от меня, не рядом. Вышел ребенок за порог – я молюсь: «Господи, избави его от встречи с лютым, лихим человеком. Господи Иисусе Христе, помоги рабу Божьему, сыночку моему, через дорогу перейти благополучно. Помоги, Господи, защити его от всякого зла». Весь распорядок дня я знаю и в садике, и в школе, и на продленке, и день длится, а моя молитва сменяется другой: «Господи, да будет учение моего сына во славу Божию. Господи, сохрани дитя мое от простуды на прогулке»… и далее, далее, далее – весь день…

Песнь Песней Соломонова

Из книги А. Соколовой «Две моих свечи»: Немыслимо красива человеческая душа. Я хотела бы прикоснуться к ней, потому что догадываюсь: это прикосновение нежнее нежного, милее милого. Ходит дьявол вокруг красавицы—-души. Он может ее изувечить, испоганить, убить. Только вот обручиться ей он не может. Красавица «Песни песней» создана для Другого. О душе каждого из людей пропета эта чудная библейская книга, любимейшая из любимых мною… Красота Невесты Единственного Сына Бога восхищает меня. Я хочу, чтоб она была так же красива, как ее жених. Но человек физически ли, духовно ли растет всегда только сам, и никто не может сделать это вместо него… «Есть у нас сестра, которая еще мала, и сосцов нет у

нее; что нам будет делать с сестрою нашею, когда будут свататься за нее? Если бы она была стена, то мы бы построили на ней палаты из серебра; если бы она была дверь, то мы обложили бы ее кедровыми досками. Я – стена, и сосцы у меня, как башни; потому я буду в глазах его, как достигшая полноты». Видите: если в духе человек не созрел для любви, то как бы и подправить что-либо в нем уже невозможно. Все человеческие ухищрения оказываются тогда напрасны… Как же растут в духе? А как во сне: «Заклинаю вас, дщери Иерусалимские, сернами или полевыми ланями, – говорит в «Песни Песней» Жених, – не будите и не тревожьте возлюбленной, доколе ей угодно». Какой кроткой любовью дышат эти святые слова! Не наше неуемное беспокойство и не наши крики разбудят эту душу… «Я сплю, а сердце мое бодрствует; вот голос моего Возлюбленного, который стучится: «отвори мне, сестра моя, возлюбленная моя, голубица моя, чистая моя!..» Отперла я возлюбленному моему, а возлюбленный мой повернулся и ушел. Души во мне не стало, когда он говорил; я искала его и не находила; звала его, и он не отзывался мне». И побежит тогда вслед за Ним влюбленная душа по улицам Иерусалима. Будет ночь. Ее встретят побои и насмешки стражников. Даже самой себе она покажется нелепой в растрепанной одежде, без покрывала на голове. Чьи-то голоса будут окликать ее: «Чем Возлюбленный твой лучше других возлюбленных?..» И она будет отвечать им. У Иерусалимской странницы не будет провожатого, и она добежит до брачного чертога своими собственными ногами.